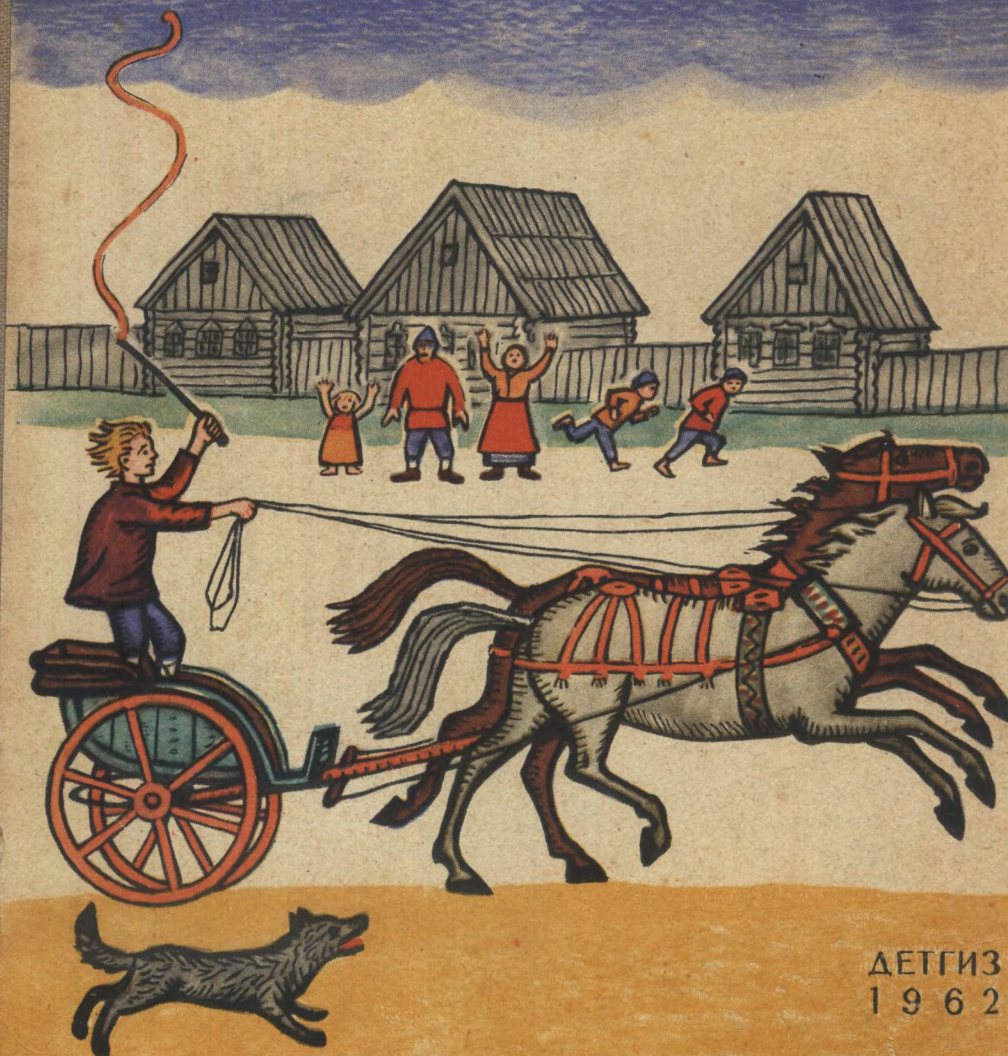

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

ДЕТГИЗ
1962

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

Рисунки Ю. Соостера

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1962

«Скóлько стóит мáльчик?» — «Какóй стрáнный и непоня́тый вопро́с! — ска́жете вы. — Ра́зве де́ти продаю́тся?! Ра́зве мо́жно торго́вать людьми́!»

А ведь бы́ло тако́е вре́мя. Бы́ло да, к сча́стью, давно́ прошло́. Назывáлось оно́ крепо́стным пра́вом.

О крепо́тном пра́ве вам, наве́рное, рассказывал учи́тель. Прочита́в э́ту кни́гу вы узна́ете ещё́ бо́льше о том стра́шном вре́мени.

Вы познако́митесь с крепо́тным мáльчиком Ми́тей. Узна́ете, как он был про́дан сначала одному́ поме́щику, пото́м друго́му; как Ми́тя был про́игран в ка́рты и как восста́л он на ко́нec прóтив своих мучи́телей.

Написа́л э́ту кни́гу С. П. Алексеев. Те из вас, кто учи́тся в четвёртом клáссе, зна́ют учебник исто́рии СССР.

Этот учебник написа́н С. П. Алексеевым вме́сте с учёным-исто́риком В. Г. Ка́рцовым.

БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

РОДНОЕ СЕЛО

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был старинный парк и усадьба¹ господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шёл лес. Тёмный-тёмный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанках десять лет, и с ним ничего не случилось.

И вдруг...

Как сейчас помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девушка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму зовут!

Собрался отец, ушёл. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерёл. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чём-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только, о чём говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила не своим голосом, понял: случилось недоброе.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а, тять?

¹ Усадьба — здесь: дом помещика со всеми служебными постройками, а также лесом, парком и полями.

Только отёц стал какой-то недобрый, всё отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька вначале и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали крестьян. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплёхо.

ПРОДАЛИ

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

Интересно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и ещё один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведёт торг. Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

¹ Скоморохи (скоморох) — так в старину называли на Руси актёров: плясунёв, музыкантов, певцов, фокусников.

На ярмарку в Чудово привезли и закопанских мужиков. Сгрудились они в одну кучу, стоят как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва.

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они, ох, как слез не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке пока нет надобности. Продаёт закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателей нет, — сказал Савва. — Мужик, к осени он не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять; ждёт, когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец дня появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шёл мужик. Борода нечесаная, рожь заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по-людскому ряду раз, прошла два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу повеселел.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба мирная, работающая.

А ба́рыня то́лько на Ми́тьку смóтрит и ничегó не говорíт.

— Дóбрая ба́ба... — о́пять начина́ет Гры́жа.

— Но, но! — прикрикнула ба́рыня. — Ты мне зу́бы не заговáривай ¹. Мальчи́шкой интересу́емся.

Смутíлся ста́роста, умóлк: неудобно ка́к-то мальца́ одногó продава́ть.

А ба́рыня снóва:

— Ты что, язы́к проглотíл? Ско́лько мальчи́шка, спра́шиваю?

Прижа́лся Ми́тька к ма́тери; ждёт, что ска́жет Гры́жа. А криво́й Са́вва Ми́тьку в бок: мол, порá, пуска́й слёзы. Взыл Ми́тька, как под ножóм, — да́же Гры́жа вздро́гнул. А ба́рыня хоть бы что. Подошла́, Ми́тькины ру́ки пощúпала, в рот загляну́ла, за́ ухо подёргала.

— Так ско́лько? — снóва спросíла Гры́жу.

Почеса́л ста́роста за́ ухом, а потóм реши́л: хоть кака́я, да при́быль, — проговорíл:

— Пять рублéй.

— Что? Да ты где такие́ це́ны, бессты́жий, вы́нскал! Два с полти́ной.

— Четы́ре, — ски́нул Гры́жа.

— Три, — набáвила ба́рыня.

Одна́ко Гры́жа упёрся. Ушла́ ба́рыня. Криво́й Са́вва толкну́л Ми́тьку; тот смóлк, вы́тер слёзы и да́же улы́бну́лся. Но ба́рыня вскóре верну́лась снóва. Ста́ла о́коло Ми́тьки.

— Ест мно́го? — спросíла Гры́жу.

— Ест? — переспросíл ста́роста. — Да не, чегó ему́ мно́го есть. Ма́ло ест, бо́льше пьёт во́ду.

— Так како́й он мужи́к, раз ест ма́ло, — сказа́ла ба́рыня.

¹ Зу́бы не заговáривай — здесь: не обмáнывай, не отвлекáй от гла́вного.

Пóнял Гры́жа, что не так отвéтил, стал опрáвды-
ваться:

— Так э́то он зимо́й ест ма́ло, когда́ рабо́ты нет.
А ле́том — у-у, что птенéц прожóрлив!

Ба́рыня сно́ва ощúпала Мíтьку, осмо́трела со
всех сторóн, сказа́ла:

— Три. Кра́сная це́на¹ ему́ три.

За́ три рубля́ и о́тдали Мíтьку.

Взял нечёсанный мужи́к, что был с ба́рыней, ма́ль-
чика за́ руку, дёрнул. А Акси́нья, Мíтькина ма́ть, как
заго́лосит, как бро́сится к сы́ну.

— Дítятко моё! Ох, лю́ди до́брые, сил мои́х
нет... — прижа́ла она́ к себе́ Мíтьку. — Не пу́щú, —
кричи́т, — не о́тда́м!

Подбежа́л Гры́жа, оттолкну́л Акси́ню. А борода́-
тый мужи́к обхвати́л Мíтьку, припо́днял, сло́вно сно́п,
взвали́л на плéчи.

— Ой, ой! — взвы́ла Акси́нья и вдруг зати́хла;
обмя́кла, осéла и ру́хнула на зéмлю.

¹ Кра́сная це́на — са́мая дорога́я, са́мая высо́кая.

Забился Митька, как карась на удё; заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Вперёд, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скomoróхи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

КАК ЖИЛИ

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И была у неё всего один дом, немного земли да две крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С ней и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на горке, у реки, совсем рядом с полями графа Гущина.

Дом у барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник.

И ещё во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор берёзка, и висел на берёзке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в халате на крыльцо, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила по утрам сбитень¹, потом ходила по двору. Смотрела, как Архип коня

¹ Сбитень — горячий напиток из мёда.

чи́стит и со́лому у корóвы меня́ет, как Варва́ра на кúхне стря́пает. За́тем Ма́вра Ермола́евна шла в гу-
сы́тник. Люби́ла ба́рыня гусе́й ко́рмить.

— Гу́сенки мо́й, гу́сенки! — тяну́ла она́ ста́рче-
ским го́лосом.

По́сле обе́да ба́рыня отды́хала. Вставáла к у́жину. Проверя́ла, подо́йла ли Варва́ра корóву. Сно́ва пи́ла сб́итень, раскла́дывала ка́рты и часо́в в во́семь лож́и-
лась спать. И так изо дня в день.

То́лько в суббо́ту день был необы́чный. По́сле обе́-
да Архи́п топил ба́ню. Мы́лись все вме́сте. Вслед за ба́ней начина́лось гла́вное — ба́рыня поро́ла своих крепостны́х. Лётом — пря́мо на у́лице, зимо́й — в сенцах госпо́дского до́ма. Архи́п приноси́л широ́кую скамью́, Варва́ра размáчивала в солёной воде́ рóзги. Когда́ завела́ ба́рыня тако́й поря́док, Архи́п и Варва́ра не по́мнили. Давно́ э́то было. Привы́кли.

Пе́рвым би́ли Архи́па. Он неуклюже спуска́л с се-
бя портки, задира́л руба́ху и лож́ился. Ря́дом стано-
вила́сь Варва́ра и пода́вала ба́рыне рóзги. «Раз, —
отсчи́тывала Ма́вра Ермола́евна, — два, три...» Два́-
дцать уда́ров получа́л Архи́п. За́тем лож́илась
Варва́ра, а рóзги подава́л Архи́п. Варва́ре, как ба́бе,
полага́лось де́сять уда́ров. Потóм Архи́п уби́рал
скамью́, а Варва́ра ве́шала суши́ть рóзги.

По́сле по́рки Архи́п запряга́л ме́рина. И все е́хали
в це́рковь, к вече́рне, моли́ться. Архи́п поё́рзывал
распу́хшим за́дом по сиде́нью и всё норови́л при-
вста́ть.

— Садись! — прикри́кивала на него́ ба́рыня. —
Садись! Чай, не по лицу́ би́ла. Не́жности большо́й на
том ме́сте нет.

А по́сле це́ркви лож́ились спать.

Так и жи́ли из го́да в год у поме́щицы Ма́вры
Ермола́евны. Ску́чно жи́ли.

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме. Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

- Дядя Архип, а зачём розги?
- Пороть.
- Кого пороть? — удивился Митька.
- Кого? Вестимо¹, кого: нас пороть, — ответил

Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, поглядел свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили своё место, чтобы бабыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смóтрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

- И меня бить будут?
- Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут.

С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало вдруг мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полёз в следующую суб-

¹ Вестимо — известно.

бóту Архíп за рóзгами, а их нет. Брóсился тудá, брóсился сюдá — нет, слóвно и нé было.

Накíнулася бáрыня на Архíпа:

— За добрóm, ротозéй, углядéть не мóжешь!

— Да тут онí бýли, — опрáвдывается Архíп и показýвает на стéну. — Онí уж какóй год тут висят, — и развóдит рукáми.

Архíп, Варвáра, бáрыня — все рóзги йщут. Нет рóзог.

Тогдá Мáвра Ермолаевна позвалá Мíтьку.

— Брал рóзги? — спрашивает.

— Нет, — говорíт Мíтька. А сам чýвствует, что краснеёт.

— Врёшь! — говорíт бáрыня. — Брал. По лицý вíжу, что брал.

А Мíтька всё бóльше краснеёт. Краснеёт, но молчít. Решáет: не отдáм, и всё.

Так и не нашлí рóзог. А спрýтал их Мíтька под бáрынину перíну. Ну, а комý могло прíйти в гóлову такóе!

Варвáру и Архíпа в éтот день не порóбли. А Мíтьке достáлось. Надавáла бáрыня емý тумакóв и посадíла в гусятник до той поры́, покá не сознаётся.

ГУСИ

Стрáшно Мíтьке в гусятнике. Сидít, не шевельнётся. И гýси спокóйно лежáт на сво́их местáх, слóвно бы Мíтьку не замечáют.

Но вдруг гýси óжили. Вíтянул гусáк шею, зашипёл: «Ш-ш, ш-ш!» За ним зашипéли и остальнýе. Испугáлся Мíтька, поднялся. Тогдá и гусáк поднялся. А за гусакóм, как по комáнде, всё стá-

до. С испугу мальчик бросился к двери, забарабанил что было сил кулаками.

А в это время на улице как раз барыня была —

езжала в церковь. Подошла барыня к двери, спрашивает:

— Одумался?

Не признаётся Митька, только колотит в дверь и кричит:

— Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

— А где розги спрятал? — спрашивает барыня.

Молчит Митька.

— Раз так, — сказала Мавра Ермолаевна, — пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в телёгу и уехала.

Стучит Митька в дверь. Никто не отзывается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке всё ближе и ближе...

— Кыш! — закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

— Кыш, кыш! Вот я вас! — отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы.

Схватил тогда Митька палку и ударил по вожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька ещё больше. Потом успокоился, прилёг и заснул. И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо. Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет поглядеть. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и вправду стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись всё же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под перину — розги!

Была Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мёртвым. И снова порóли Митьку. На этот раз долго и больно.

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в тесной маленькой комнате. А потом взяла бабыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у неё в услужении.

Целый день бабыня Митьку то туда, то сюда... Только и слышится:

- Митька, в погреб сбегай!
- Митька, половик стряхни!
- Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет бабыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устают, а Мавра Ермолаевна всё не засыпает.

Наконец заснёт. Свернётся и Митька, как щенок, на полу калачиком. Только закроет глаза, слышит:

- Митька, воды подай!
- Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у бабыни бессонница начнётся. И опять Митьке не спать. Требуется бабыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про серого волка, и про господ Воротынских, и даже про старосту Степана Грыжу. А бабыня — давай ещё и ещё.

Днём-то бабыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горox растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трёт горox, перебирает пшено.

А как-то легла бабыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

— Да смотри, — говорит, — не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг за-

снул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верхá остались. От горелого проснулась и ба́рыня.

— Митька! — закричала. — Митька, чего горелым пахнет!

Прибежала Ма́вра Ермолаевна, смотрит — у Митьки в руках одни верхá от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему ба́рыня рóзог и приговаривала:

— Тебе что, но́чи ма́ло? Тебе ещё и днём спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

ДОРОГА

Тяжело Митьке. Забьётся куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, котá Ваську вспоминает...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровнике. Потом стал дорогу выспраши-

вать. Дѣлал это осторожно. Заговорил вначалѣ с Архипом.

— Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далекó? — спросил Митька.

— Далекó, — отвѣтил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и ещё раз сказал: — Далекó-о!

— А наше село Закопанка ещё дальше? — опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и отвѣтил:

— Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

— Село Чудово? — переспросила она. — Есть такбе село. Только далеко ли оно, не знаю. Я дале трёх вёрст¹ нигде не бывала. Ты спросил бы у Архипа — он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары ничего не узнаешь, решил обратиться к самой Мавре Ермолаевне. Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

— Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идёт?

— На мельницу, — сказала барыня.

— А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не отвѣтила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела. Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

— Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

¹ Вёрст; верста — старинная русская мера длины, немногó больше километра.

Мітька растерялся.

— Так я так, ба́рыня... — на́чал Мітька.

— Я те дам «так»! — переби́ла Ма́вра Ермола́евна. — Ты у меня́ смотри́, о́пять ро́зог захоте́л?.. Архи́п, Архи́п! — позвала́. — Да́й-ка ро́згу, я покажу́, кака́я доро́га куда́ ведёт.

А через не́сколько дней ба́рыня, зайдя́ в коро́вник, нашла́ Мітькины сухари́. Подиви́лась ба́рыня, а по́том поняла́.

И сно́ва в э́тот день Мітьку би́ли. Отле́живался он в ба́ньке, стона́л и всё выговáривал:

— Убегу́... убегу́...

Приса́живалась к нему́ Варва́ра, по голо́ве гла́дила.

— Э-эх, ро́дненький, — говори́ла, — куда́ же ты побежи́шь? Доро́ги отсю́да тебе́, Митенька, не́ту.

Д А Ш А

ГРАФ ГУЩИН

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты по полю, а потом ещё десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать ещё две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина — Барабиха.

А кругом Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зелёным ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И сёла, что раскинулись кругом, словно жуки расплозились, были графские. И люди, что жили в этих сёлах, — тоже графские.

Двадцать тысяч душ крепостных крестьян имел граф Гущин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли ещё под Смоленском и под Орлом, а

в Пётре, на Нёвском проспекте, стоял высо́кий, с ка́менными льва́ми при вхо́де, дом Гу́щина. Зде́сь-то и жил сам граф.

А в Бара́биху наве́дывался всего́ раз в год. Приезжа́л о́сенью и́ли зимо́й. Жил не́сколько дней и о́пять уезжа́л в Пётр.

Все́ остальное́ вре́мя ста́ршим в Бара́бихе был управля́ющий Франц Ива́нович Не́йман. Лет де́сять наза́д, бу́дучи послóм в Пру́ссии, граф Гу́щин привёз та́мошнего ку́чера Фра́нца Не́ймана с собо́й в Росси́ю. Не́йман был расторо́пен, услу́жлив. Граф подумал и назна́чил не́мца сво́им управля́ющим.

Вме́сте с гра́фом съезжа́лось в Бара́биху челове́к до тридцати́ ра́зных госпо́д. Устраивались развле́чения. Ка́ждый год но́вые. То охóту на медве́дей придума́ют, да ещё так, что́бы обяза́тельно живы́х изловить. То кула́чные бо́и меж мужика́ми, да так, что́бы непременно́ когó-нибудь на́смерть. То са́нные ката́ния. А вме́сто лошаде́й впрягу́т в ро́звальни молоды́х парне́й и де́вок и наперегонки́ заставля́ют бе́гать. Потóм награ́ды вруча́ют тому́, кто пришёл пе́рвым. То́лько награ́ды дава́ли не тем, кто вёз, а тем, кто сидёл в ро́звальнях и погоня́л.

А тут сообщи́л граф своему́ управля́ющему, что прие́дет на Но́вый год. И к прие́зду ну́жно организовáть теа́тр. Граф писа́л, что арти́стов пришлёт из Пётра. А управля́ющему нака́зывал, что́бы он набра́л из ме́стных мужико́в и баб люде́й, скло́нных к пёнию и йграм на инстру́ментах, и что́бы к его́ прие́зду был в имении́ свой хор и оркестр. Одна́ко о теа́тре и о му́зыке не́мец имёл понятне́ ма́лое.

То-то за́дал граф Гу́щин зада́чу своему́ управл́яющему!

Говори́ла Варва́ра, что не уйти́ Ми́тьке от Ма́вры Ермола́евны. А получи́лось ина́че. То́лько не так, как он сам ду́мал.

По весне́, как то́лько появи́лась на лу́гу трава́, ба́рыня приста́вила Ми́тьку к но́вому де́лу — пасти́ гусе́й.

Сде́лал Архи́п Ми́тьке ду́дку. «Это, — сказа́л, — для ка́ждого пастуха́ вещь перве́йшая». Варва́ра сши́ла су́мку для хле́ба. Не оди́н раз сказа́ла: «То́лько смотри́ дале́ко от гусе́й не отходи́. И упаси́ бо́же, чтоб в гра́фские хлеба́ не зашли́! Смотри́, уви́дит сам Фра́нц Ива́ныч, ужó тогда́ тебе́ бу́дет». А про не́мца Ми́тька уже́ слы́шал, и не раз, и всё недоб́рое.

«Этот Фра́нца, — говори́л Архи́п, — скупее́ свет не ви́дывал. Он корм лоша́дям и то сам насыпа́ет».

«Неме́ц-то анти́христ, — шепта́ла Варва́ра. — В це́рковь не ходит...»

И чуть́ что, так пуга́ла Ми́тьку:

«Вот ба́рыня прода́ст не́мцу — бу́дешь знать!»

Пасти́ гусе́й Ми́тьке нра́вилось. Уго́нит их лу́гом пода́льше от до́ма, разва́лится на траве́. Гу́си ходят, траву́ щиплут, а Ми́тька на ду́дке игра́ет.

И так наловчи́лся, что Архи́п то́лько голово́й кача́л: «Ишь как здо́рово э́то у тебя́ получа́ется!»

И вот одна́жды — де́ло уже́ ле́том бы́ло — угна́л Ми́тька гусе́й лу́гом почти́ до гу́щинского па́рка. Сел на бережку́, заигра́л на ду́дке и не заме́тил, как гу́си зашли́ в гра́фские овсы́. А в э́то вре́мя с го́рки от гра́фского имене́ния спуска́лся на дробжа́х управля́ющий Франц Ива́нович и уви́дел гусе́й и Ми́тьку.

— О майн гот!¹ — восклицну́л неме́ц, поверну́л ло́шадь и съеха́л на луг.

¹ О майн гот! (нем.) — О бо́же!

ВЫлез из дрóжек, стал к Мíтьке крáстсья. Переступíл раз два... и вдруг остано- вíлся.

А Мíтьку рóвно кто дёрнул. Оберну́лся — нéмец! Дúдка са- мá из рук вон. А тут ещё увидел гусéй в овсáх и совсём стрúсил. Вскочíл — бе- жáть!

— Стой, стой! — закричáл нéмец. — О, ты есть му- зыкáнт!

Отбежáл Мíтька в безопáсное мéсто, остано вíлся. Взгляну́л — нéмец ничегó такогó дурногó не говорít, а в стóрону гусéй дáже не смóтрит.

— Идí сюда! — мáнит нéмец. — Я есть не злой че- ловéк.

Подúмал Мíтька, подошёл, однáко встал так, чтó- бы чуть что — срáзу бежáть.

— О, ты есть музыкáнт! — снóва сказáл управлý- щий. — Ты чей есть? — спросíл.

— Бáрыни Мáвры Ермолаéвны.

— Гут, — протяну́л нéмец. — Зер гут¹.

Потóм нагну́лся, пóднял с земли дúдку, покрути́л в руке, усмехну́лся. Поры́лся управлýющий в карма- не, достáл кусóк сáхару, сúнул Мíтьке; сел на коня и уéхал.

Посмотрéл Мíтька на сáхар, хотéл сгрызть, а потóм спря́тал в карма́н. Решíл: как убежит — мáтери принесёт гостíнец. А про себя подúмал: «Гово- рíли — нéмец злой. Вóвсе он и не злой».

¹ Гут, зер гут (нем.) — хорошó, óчень хорошó.

Дóлго торговáлся нéмец с Мáврой Ермолáевной. Наконéц вымeнял Мíтьку на два мешкá овсá и стáрую грáфскую перíну. Перíна и рeшилá всё дéло. Уж бóльно хотéлось бáрыне поспáть на грáфском пуховикé!

Привёл нéмец Мíтьку в небольшую избу́, сказа́л: «Здесь есть твой дом». Гляну́ли на ма́льчика четы́ре же́нских гла́за — два молоды́х, недóбрых, два подслеповáтых, стáрых, от котóрых стáло мальчíшке спокойнeе. Избá, кудá привёл управляющий Мíтьку, стоя́ла тут же, на госпóдском дворé. Жíли в ней дворóвая дéвка Палáшка и тётка Агáфья — бáрская поварíха.

Вначáле Мíтька всего́ боя́лся, а бóльше всего́ дéвки Палáшки. Ужé в пёрвый вéчер, когдá ложíлись спать, Палáшка стáла кричáть:

— И кой чéрт этóго кутёнка¹ сюдá сýнули!

Хорошó, заступíлась тётка Агáфья.

— Тíше! — кри́кнула она́ на Палáшку. — Чай, не своéй во́лей.

И поглáдила Мíтьку по головé.

— Не бóйся, — приговáривала, — не бóйся, сокóлик!

А потóм, когдá Мíтька познакóмился с дворóвым мальчíшкой Тíмкой Глóтовым, то узна́л, что от дéвки Палáшки никóму прохóда нет. «Она́ нёмцу про всех донóсит», — говорíл Тíмка.

Тíмка рассказа́л Мíтьке и про другíе делá, про то, что нéмец гóрькую пить лóбит. А как напьётсá, всех бьёт и по-чёрному ругáется. Рассказа́л Тíмка и про ночнóго стóрожа, дéда Ерóшку. Мíтька ещё в пёрвую

¹ Кутёнка; кутёнок — щенóк, детёныш собáки.

ночь слышал, как кто-то всё около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерощка. «Он трус, — говорил Тимка. — Всю ночь крутится возле вашей избы — это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки, и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всём слушался.

А ещё Тимка рассказывал про господскую псарню и про немого, что за псами ходил. Тимка водил Митьку смотреть на немого. Глянул Митька — и мороз по коже прошёл. Зарос человек, как медведь, а ноздри — нет ноздрей, одни клочья болтаются.

— Что это? — спросил Митька.

— Разбойник, — ответил Тимка. — Вот ему ноздри и выдрали.

— Эй, немой! — крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка — раз! — и убежал. А Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

— А-а! — закричал Митька.

А немой ничего: отпустил Митьку и ушёл.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.

— Цыц, поганец! — кричала. — Сила нечистая чтоб тебя забрала!

А Р Т И С Т Ы П Р И Е Х А Л И

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Меньше чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудове на базаре побывал, в соседние поместья заглядывал, графские деревни объездил и — набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант¹ и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как обещал граф, прибыли в Барабиху артисты. Встречать прибывших высыпала вся дворня.

— Глядь, штаны-то какие, штаны! — кричал дед Ерощка и показывал на клетчатые, узкие, внизу с завязками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

— Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? — хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущенно улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать артистов пришел и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове — Митька никак понять не мог — ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видел. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в клетчатых штанах человека.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька все ходил около барского флигелёчка, где разместили артистов, — надеялся встретить. Да ему не везло.

¹ Оркестрант — музыкант, который играет в оркестре.

В первый день прогнала́ дѣвка Палáшка. На второй Митька чуть не попался на глаза́ самому́ нѣмцу.

И всё же Митька дѣвочку подкараулил. Припрятался как-то в куста́х, а когда та проходила, выскочил. Выскочил, да и сам испугался.

— Ты что? — спросила дѣвочка.

А у Митьки языкъ словно дома остался.

— Ты что? — повторила дѣвочка. — Как тебя звать?

— Митька я, Мышкин.

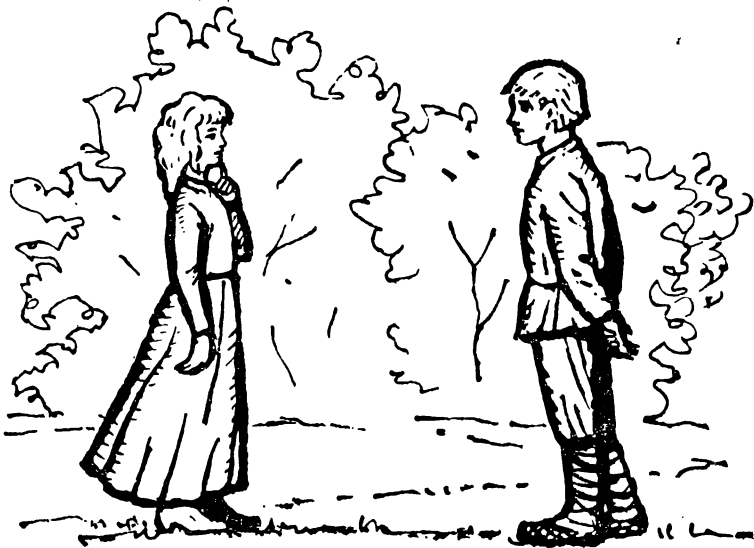
— А я Дáша, — сказала дѣвочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

— А я тебя ещё в первый день заприметил, на тебе шаль была!

— Да какáя это шаль! — засмеялась Дáша. — Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако́ Дáша улыбнулась. И мальчик опять осмелел.

— А хочешь, я тебе поместье покажѹ? — спросил он.

— Хочу, — отвѣтила Дáша.

Митька ходил, слóвно летáл на крыльях. Сводил Дáшу на конный двор, подвёл к псарне, показáл, где господские амбáры, а потом повёл в парк и всю доро́гу про жизнь в имении рассказывал. И про дéда Ерóшку, и про Палáшку, и про нёмца.

— А ещё, — зашептáл Митька, — у нас немóй есть. Фёдка. Он разбойник. Ему нóздри выдрали.

Дáша слóшала внимáтельно, и Митьке бýло приятно.

— А ётот высóкий — он кто тебе, отец? — спросил Митька, когда они возвращáлись домóй.

— Нет, — отвѣтила Дáша. — Это Ролáнд.

— Кто? — переспросил Митька.

— Рыцáрь Ролáнд, — повторила Дáша. — Это роль у него такáя.

— А мáмка и пáпка у тебя тóже артисты? — спросил Митька.

— Да, — отвѣтила Дáша. — Тóлько их прóдали князю Трегúбову.

— Как — прóдали? — удивился Митька.

— Взяли да и прóдали, — отвѣтила Дáша. — Крепостные мы — вот и прóдали.

У Митьки от удивлénия дáже рот приоткрылся.

— Как так: артисты — и крепостные? — удивился он.

— Конечно, крепостные, — отвѣтила Дáша.

— Все крепостные? — переспросил Митька.

— Да.

— И тот, что штаны в клётку?

— Да.

А Митька всё смотрёл на Дáшу и не вёрил: артисты — и вдруг крепостные!

Жил Митька на новом месте, а всё о своём думал — бежать. И снова стал собирать сухари на дороге. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказывал про свой план. И про сухари рассказывал.

— Вот здорово! — воскликнула Даша. — А куда ты побежишь, Митя? — спросила.

— В Закопанку, домой, — ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок — не ушел. Назначил другой — не ушел тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

— Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождь Митька вечера, лег на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

— Ты что, поганец, не спишь? — крикнула девушка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал еще, потом слез с лежанки, на цыпочках подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил одежонку — и на улицу.

Думал Митька, что девушка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка — за ним. Подходит, смотрит — мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это

были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку — хватить! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дёрнул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула дёвка, выпустила Митьку. А он схватил мешок с сухарями и через забор, мимо конного двора, за плетень — и в лес.

Ушёл Митька.

ПОГОНЯ

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

— Франца Иваныч! — будит. — Франца Иваныч!

Проснулся немец.

— Вас ист ес? ¹ — забормотал на своём языке.

— Митька бежал! — тараторит дёвка Палашка.

— Какой Митька? — не может взять в толк немец.

— Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

— Так что есть Митька? — опять спрашивает немец.

— Убежал, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шёл лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом всё ближе и ближе... Поблуднел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут зётки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки...

¹ Вас ист ес? (нем.) — Что такое?

Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» — бьётся тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел — попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролёз метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушёл куда-то в сторону. Митька облегчённо вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам — то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полёз выше. И вдруг — хрусть! — обломился сучок! Митька хват за другой — и тот хрусть!

— А-а-а! — заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждёт, когда псы вцепятся. А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают.

Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит — а перед ним Фёдка — драные ноздри! Замычал Фёдор на псов, ударил одного арапником, — те умолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, ещё страшнее. Фёдор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошёл тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шёл и всё думал: что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Фёдора не так уж боялся, но стыдно было Даши. «Ну, скажет, и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет. Привёл Фёдор Митьку на псарню, отвёл в свой закуток, расстелил рядом, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушёл куда-то Фёдор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Фёдор сюда привёл, и чего они окружным путём шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

ВОТ ТЫ ГДЕ!

— Вот те Франца даст! — кричала дёвка Палашка на Фёдора. — Мало тебе ноздри пообрывали, бока ещё пообломают!

А Фёдор только мычал и что-то руками показывал. — Не догнал, Франца Иваныч, — докладывала утром Палашка немцу. — Убежал, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумёл, пошумёл немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Фёдору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Фёдор его выдавать немцу. Живёт Митька на псарне день, живёт два. Фёдор едó ему приносит. Вечером присядет, по головé потрёплет. Постепенно стал Митька привыкать к немóму. А всё-таки как-то бóязно... Вспомнит, как дразнили Фёдора, и самому нелóвко.

Дней через пять повёл с самого утра Фёдор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Фёдоровой камерке, вышел в сарай, где стояли собачьи клетки. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в камерку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Ива́нович, а за ним девушка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клетку, но Палашка как закричит:

— Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за ворот, вытащила на середину сарая.

— А-а... — протянул немец. — Вот ты где!

— Тут, тут! — тараторила девушка Палашка. — Я же говорила, Франца Ива́ныч, что немóй наврал. Неспроста немóй с кухни-то похлёбку воровал. Я-то приметила. Думаю, и зачём это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых — связали Митьку. А через час, когда вернулся Фёдор, скрутили и Фёдора.

Порóбли виновных тут же, на псарне. Били арáпниками. Фёдора — двоё взрослых мужиков, Митьку — Палашка.

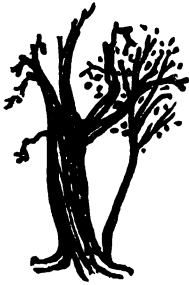
— Ирод, — кричала Палашка, — вот тебе, будешь знать, как честных людей обманывать! — и во всю силу врезала тяжёлым арáпником по худым Митькиным плечам.

Митька только ёжился и вздрагивал.

— Не кричишь? — приговаривала Палашка. — Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

А ОН ВО ВСЕ НЕ СТРАШНЫЙ

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит, рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя Дашу, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

— Митя, — сказала, — жив?

— У-у, — промычал Митька.

— А мы-то уж думали... — Девочка не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тётка Агафья.

— Ну, жив, соколик? — спросила. — А твоё-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, говорит, всё я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтерка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Фёдор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька всё лежит. И ходят к нему то Даша, то тётка Агафья, то обе разом. И Фёдор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует — что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тётка Агафья, и Митька — к ней.

— Тётка Агафья, — говорит, — а дядя Фёдор, он во все и не страшный.

— Не стра́шный, не стра́шный, соко́лик! — отве-
ча́ет тётка Ага́фья. — А чего́ ему́ быть стра́шным? Ты
слу́шай его́, он, Ми́тька, челове́к до́брый, та́ких ещё
поиска́ть ну́жно.

— А чего́ он немой? — спра́шивает Ми́тька. —
И но́здри чего́ у него́ дра́ные? Разбо́йник он? Он чело-
ве́ка уби́л?

— Что ты, что ты, бог с тобо́й! — замаха́ла рука́ми
тётка Ага́фья. — Како́й он разбо́йник! Все бы та́кими
бы́ли! — Потом́ наклони́лась к Ми́тьке и зашепта́-
ла: — Ты про мужи́цкого царя́ слыха́л?

— Про Емельку́ Пугачёва? ¹ — спроси́л Ми́тька. —
Кото́рому ру́ки и но́ги руби́ли?

— Како́й он тебе́ Емелька! — повы́сила го́лос
тётка Ага́фья. — Емелиа́н Ива́нович он. — И сно́ва
зашепта́ла: — Фёдор-то был у Пугачёва своим́ чело́ве-
ком. А как разби́ли Пугачёва, схвати́ли и Фёдора.
Пыта́ли, а потом́ разодрáли но́здри и язы́к отрезали.
Вот без ма́лого пятна́дцать лет та́кой он и есть. Ты его́
люби́, Ми́тя, — он челове́к хоро́ший, — уходя́, ещё раз
сказа́ла тётка Ага́фья.

А когда́ ве́чером пришёл Фёдор и присёл на лежа́н-
ку, Ми́тька дове́рчиво улыбу́лся, уткну́лся ему́ в
живо́т лицо́м, как, бывáло, к ма́тери, и стал гла́дить
руко́й по спине́. И Фёдор своёй шерша́вой руко́й
Ми́тьку гла́дил. И сидели́ они́ так мо́лча весь ве́чер...

Около́ ме́сяца пролежа́л Ми́тька. И все э́ти дни
Да́ша бе́гала на пса́рню. Приноси́ла пое́сть, но́вости
расска́зывала. А ве́чером сади́лись они́ с Фёдором к
Ми́тьке на ла́вку. Смотрéл Ми́тька на Фёдора, смо-
трéл на Да́шу, и бы́ло ему́ так хоро́шо, как в родно́й
Закопа́нке.

¹ Пугачёв Емельян Ива́нович — руководи́тель
крупного́ крестья́нско-каза́цкого восста́ния протви́в крепо́стни-
ческого стро́я в XVIII веке.

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ног на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уже не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тётке Агáфье на кухню — помочи вытаскивать.

Нравились Митьке эта зима. Хотя и мороз пошаливал и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута, бежит к Дáше. Позовёт Тёмка Гло́тов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тётка Агáфья не отпускает. А сам — к Дáше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. «Цок, цок», — щёлкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, щёлкают орешки, на Митьку с Дáшей поглядывают. Подмигнёт Митька белкам, свистнет — те враспынью.

А как-то ушли Митька и Дáша далеко-далеко. Шли, взявшись за руки, тащили за собой санки — надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

— Садись, Дáша.

Дáша села. Митька вёз санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами — хрусть, хрусть!

А потóm они́ съезжали́ с гор.

Да́ша крёпко держа́лась за Ми́тьку и вскрикива-
ла от стра́ха.

Са́нки подпры́гивали на бугра́х, и тогда́ сыпучими
хло́пьями взлетáл из-под поло́зьев снег. А внизú са́н-
ки переворáчивались, ребята́ летели́ в пуши́стый суг-
ро́б и вёсело смея́лись. Потóм отря́хивались и сно́ва
бежали́ на́ гору.

И вдруг Да́ша остано́вила Ми́тьку, сказа́ла:

— Ми́тя, не хочú я... Не на́до бо́льше так. Не захо-
ди́ бо́льше ко мне.

Ми́тька не по́нял.

— Задрáзнили́ меня́, Ми́тя. Невёстой зовúт. И не-
мец ругáется, говорít: «Игра́ть на теа́тре тебя́ купи́ли,
а не для дру́гих дел». Не заходи́, бою́сь я...

Ми́тька ничегó не отве́тил. Шли́ домо́й мо́лча.
И Ми́тя уже́ не вёз Да́шу, а шли́ они́ ря́дом и вме́-
сте тащили́ са́нки, са́нки казáлись тяжёлыми́, но́-
ги то́же, и снег хрустёл уже́ во́все не ра́достно, а
зло и скрипуче, сло́вно сердýлся.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Оби́делся в тот день Ми́тька. Не забега́л
бо́льше к Да́ше и стара́лся на у́лице не
встреча́ть. И флигелёк актёрский обходи́л
сторонóй. Сло́вно во́все и не́ было Да́ши.

А вре́мя шло и шло. И чем бли́же к Но́-
вому го́ду, тем быстрее́, бу́дто кто подго-
нял па́лкой. Арти́сты конча́ли послед́ние пригото́вле-
ния, и вот наступи́л день генера́льной репети́ции.

Ещё́ как-то ра́ньше Да́ша говори́ла:

«Ми́тя, как бу́дет репети́ция, ты приходи́, обяза́-
тельно приходи́! Попро́бись в за́лу, там ещё́ дверь с

резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, чтобы не увидели».

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил — и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», — решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошёл в залу, спрятался за штору; стоит, не дышит. Прошёл час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги болеть стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь — занавес. А на стенках и справа и слева висят портреты. Смотрят из золочёных рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной слышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошёл управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену выбежали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды — у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова. Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол её длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В такт музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пы-

тался поймать. Вот он почти настигал Дáшу, и тогда у Мíтьки замира́ло се́рдце. Но Дáша ловко выска́льзывала и убегáла. Мíтька облегчённо вздыхáл. Наконёц человек в костю́ме принца всё же схватил Дáшу за крыло́. Лёгкое крылышко обвисло. Дáша бежа́ла тепе́рь как-то бо́ком, волоча́ но́гу. Мíтька чуть не вскри́кнул. Но вот Дáша вы́прявилась, широко́ раски́нула ру́ки и вновь закружи́лась. Мíтька успоко́ился.

И вдруг Дáша упáла. Мíтька внача́ле не по́нял, наро́чно и́ли в са́мом де́ле. И лишь потому́, как подня́лся не́мец, как заругáлся на своём языке́ и полёз на сце́ну, по́нял: не наро́чно. Де́вочка вста́ла, попыта́лась о́пять закружи́ться и сно́ва упáла. А не́мец уже́ подня́лся на сце́ну и, держа́ в руке́ па́лку, шёл к Дáше. Де́вочка съе́жилась, замерла́.

Не́мец подошёл к Дáше, занёс па́лку. И вдруг:

— Не бей! Не бей!

Мíтька сорва́лся со своего́ ме́ста и не́сся к сце́не. Он стал ме́жду не́мцем и Дáшей:

— Не бей! Не бей!

И оттого́, что появился вдруг Мíтька, Дáша испугáлась ещё́ бо́льше. Но не́мец уже́ забы́л про де́вочку.

Он потяну́лся к Мíтьке. Тогда́ Дáша вцепи́лась в Мíтькину ру́ку и повлекла́ его́ за собо́й к выходно́й двéри — прямо́ на у́лицу. Они́ бежа́ли са́ми не зная́ куда́, Мíтька и Дáша-ба́бочка, в лёгком тю́левом на́ряде. А на у́лице трещáл моро́з и дул пронизывающий де́кабрьский ве́тер.

И вдруг Мíтька остано́вился.

— Дáша! — окли́кнул он. — Дáша!

А де́вочку трясло́ — то ли от хо́лода, то ли от испуга́. Мíтька обнял её́, ху́денькую, блéдную, взял на́ руки, припо́днял. Дáша не проти́вилась. Она́ обхва-

тіла егó рукамі и вдруг заплакала. Заплакала тіхо, про себя, как, бывало, Аксінья, Мітькина мать, плакала.

А на ўлице бэгалі артiсты, двóрня, и на псáрне исто́шно завы́ли соба́ки. Когда́ появи́лся Мітька с Да́шей на рука́х, все расступілись. Мітька подошёл к актёрскому флигелёчку. Толкну́л дверь, переступи́л поро́г и положи́л Да́шу на кровати́.

Да́ша откры́ла глаза́. Посмотрела́ на Ми́тьку и вдруг сказа́ла то, от чего́ у Ми́тьки да́же дыха́ние остано́вилось:

— Ми́тя, ты хоро́ший! Ты сме́лый, Ми́тя...

ДАША ЗАБОЛЕЛА

Ми́тьку не́мец не трону́л — жда́ли госпо́д. Но ле́гче от э́того Ми́тьке не ста́ло.

Заболе́ла Да́ша. На сле́дующий день нача́лся у неё жар. Прие́хал до́ктор, послу́шал, покача́л голово́й, сказа́л: засту́жены ле́гкие.

Це́лыми дня́ми Ми́тька не находíл себе́ ме́ста. Все́ норовíл пройти́ к Да́ше, но его́ не пуска́ли. В о́кна пыта́лся загляды́вать, да о́кна заве́шены.

— Все́ из-за тебя́! — упрека́ла те́тка Ага́фья. — Из-за твоёй ду́рости.

И Ми́тьку от э́того как огнём жгло.

За три дня до Но́вого го́да прие́хали господа́. А пото́м ста́ли съезжа́ться го́сти. Собрало́сь каре́т до двадца́ти. А Ми́тьке все́ равно́ — да́же и не взгляну́л. Доложи́ли гра́фу про боле́знь Да́ши. Пришло́сь ста́вить друго́е представле́ние. Вы́звал оркестра́нт Ми́тьку, сказа́л, что и ему́ придет́ся тепе́рь на ду́дке игра́ть. Два дня сы́грывались. А ве́чером Ми́тька бе́гал к до́мику Да́ши и, пока́ хвата́ло сил, все́ вокру́г флигелёчка топта́лся. Выходи́ла те́тка Ага́фья (она́ тепе́рь у Да́ши дежу́рила), гнала́ Ми́тьку спать.

— Ше́л бы, соко́лик, домо́й, — говори́ла. — Ну что ты как неприка́янный!¹

А пото́м сжа́лится и пу́стит Ми́тьку на часо́к в се́нцы. Сидíт Ми́тька, все́ о Да́ше ду́мает.

¹ Неприка́янный — не зна́ющий, что де́лать, беспокóйный.

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра — с дудкой, ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тётке Агáфье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берёт для матери.

— Дáше это гостинец, — сказал Митька и протянул сахар тётке Агáфье.

А та вдруг заплакала.

— Снóва приезжал доктор, — зашептáла, — ох, хúdo Дáше, ох, хúdo!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самогó одна мысль: «Дáша, Дáша...» Никáк не мóжет себе простить Митька, что застудил Дáшу.

Играет Митька, а что кругóm творится, не понимает. Подаёт оркестрант ему какие-то знаки — не видит. «Грómче, грómче играй!» — шéпчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он слóвно из кáмня скрóен. Нóет у Митьки душá: «Дáша, Дáша...»

Не помнил Митька, как кóнчился спектакль. Господá хлопали, актёры клáнялись, а он тихóнько вышел на úлицу и побежал к Дáшиному дóму.

Около дóма тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошёл Митька в сэнцы, встретился с тёткой Агáфьей. Удивился: не останáвливает его тётка Агáфья, не удерживает. Вошёл в кóмнату.

На лáвке лежала Дáша, тихая, спокойная. Глазá закрыты. В руках Митькин сахар зажáт. Остановился Митька, зáмер. И вдруг видит — у Дáшиного изгóловья свéчки. Колышется лёгкое плáмя, поднимáется чад. Посмотрёл Митька на свéчи — пóнял.

— А-а! — заголо-
сил он и брósился к
Дáше. — Дáша! —
кричít. — Дáша!
Встань, Дáша! —
И льóтся по Мíтьки-
ным щекáм слёзы и
пáдают на одеяло. —
Дáша, Дáша!

Верну́лись арти-
сты. Осторо́жно входí-
ли в кóмнату. Стáли
полукрúгом.

— Увести́ бы мальчóнку нáдо, —
сказáл ктó-то.

— Пусть сидít, — отвéтила тётка
Агáфья. — Пусть пла́чет. От слéз лёгче
бывáет.

Потóм подошла́ к Мíтьке, поглади-
ла по головé, зашептáла:

— Пошёл бы ты спать, соко́лик! Спать! — и осто-
ро́жно стáла подтáлкивать Мíтьку к дvéри.

Вы́шел Мíтька на úлицу и побрёл. Где бродíл
Мíтька, никто́ не зная́т. Да и сам он не по́мнит. Тóль-
ко в конце́ концов пришёл к своему́ дóму.

— Опя́ть шля́лся! — набрóсилась на него́ дéвка
Палáшка.

Потóм посмотре́ла на лицо́, замолча́ла: лицо́ у
Мíтьки стáло стра́шным. Испугáлась Палáшка, оста-
вила Мíтьку в ко́бе. Подошёл Мíтька к лежанке,
уткну́лся нóсом в рука́в и го́рько запла́кал. Вздра́ги-
вают хúденькие Мíтькины плéчики, но́ет се́рдце:

«Дáша, Дáша...»

И в это́ время вдруг дед Ерóшка забíл в колоту́ш-
ку. Раз, два, три... двена́дцать. Наступíл Но́вый год.

Среди но́чи Митька вы́шел на у́лицу. Сквозь лёгкую одеждо́нку сразу проби́л мороз.

Вь-и-ть, — просвисте́л ве́тер. Надвину́л Митька покре́пче ша́пку и поше́л к до́му управля́ющего. Не́мец ложил́ся спать. В окне́ горела́ свеча́. Управля́ющий разде́лся, заду́л свечу́, лёг. Митька вы́ждал вре́мя, подоше́л к двéри, задвину́л скобу́ и для надёжности привали́л коло́дой. Потом поше́л на ко́нный двор, взял оха́пку соло́мы и положи́л под дверь. Принёс второ́ую и положи́л под у́гол до́ма, со сторо́ны окна́.

Ого́нь вспыхнул сразу́. Языки́ пла́мени лизну́ли крыльцо́, занялся́ у́гол...

Прибежа́л дед Еро́шка.

— Пожа́р! — закрича́л он испуганным го́лосом.

На у́лицу ста́ли выбега́ть дворо́вые. Появи́лся Фёдор. Протира́ла глаза́, не понима́я, в чём де́ло, за́спанная Пала́шка. Никто́ и не обрати́л внима́ния на Митьку. От кри́ка просну́лся не́мец. Бро́сился к двéри, заби́л кулака́ми и ди́ко закрича́л. Люди́ не дви́гались с ме́ста.

Тогда́ вы́шла вперёд тётка Ага́фья.

— Все́ же челове́к, — сказа́ла она́, — побойте́сь бо́га! — и пошла́ к двéри.

Но её опереди́л Фёдор.

В рука́х у него́ оказа́лся кол. Он вскочи́л на крыльцо́, стал спиной́ к двéри и гро́зно замыча́л. Все за́мерли. И то́лько вы́скочила де́вка Пала́шка.

— Ирод! — завопи́ла она́. Бро́саясь к Фёдору, вцепи́лась в его́ кудла́тую бо́роду. — Ирод! — крича́ла. — Ирод! Уби́вец!¹

¹ Уби́вец — пра́вильно: уби́йца.

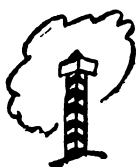
А немой лишь мычал, ещё сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от дёвки Палашки. И по озарённым окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошёл к скотному двору. Там он перелёз через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса. На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небе поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господá проснулись. Митька ещё раз посмотрел на усадьбу и вошёл в лес.

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК¹

БЕГЛЫЙ

По тракту² из Москвы³ в Петербург³ мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трёх от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнулся.

— Что там? — крикнул офицер из санок.

— Мальчонка, никак... — ответил ямщик. — Замерз, должно быть. Морозище-то какой!

— Ну, давай его сюда, — сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги медвежьей шкурой.

Положили мальчонку на дно санок, в тёплое место. Отогрелся он, шевельнулся.

Наклонился офицер к мальчику.

— Ты кто? — спрашивает.

Молчит найдёныш.

— Ты кто? — повторил офицер.

— Митька я, Мышкин, — ответил мальчонка.

— Мышкин! — усмехнулся офицер. — Да как тебя сюда занесло?

— Беглый небось, — ответил за Митьку ямщик. — По всему видать, беглый.

¹ Поручик — офицерский чин в царской армии.

² По тракту (тракт) — по большой проезжей дороге.

³ Петербург, Пётр — так назывался в то время город Ленинград.

— Н-да, — произнёс офицёр. — Так что же нам с тобой дѣлать?

— Да что дѣлать! — отвѣтил ямщик. — Сдадим его, ваше благородіе, на стѣнции — там разберутся.

Впереді как раз мелькнул огонёк. Сѣнки подъезжали к селу Чудову.

Соскочил ямщик с козел, отбросил с ног офицёра шкуру.

— Вылазь и ты, бѣглый, — сказал Митьке.

Офицёр пошёл на стѣнцию, ямщик задержался у лошадей, а Митька — раз! — и в стѣрону.

Вышел офицёр со смотрителем¹ стѣнции, а Митьки и след простыл².

— Тут был, — стал оправдываться ямщик. — И куда он девался? Убежал небось, как есть убежал. Быстрый такой, не зря что бѣглый.

— Бог с ним, ваше благородіе, — сказал смотритель. — Много их тут, бѣглых, шатаётся.

Двинул офицёр ямщика по затылку рукой и опять ушёл в дом. Угнал и ямщик лошадей. А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит — подаёт новую тройку. Вышел офицёр, сел в сѣнки. Тогда Митька выпрыгнул из канавы, догнал сѣнки и пристроился сзади на полѣзьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-

¹ Смотритель — начальник.

² След простыл — то есть кто-то убежал давно.

под поло́зьев снег, взлета́ют са́нки на уха́бах — то́лько держи́сь! Дёржится Митька, слететь бо́ится. Под мёхом сидеть бы́ло тепло́, а тепе́рь холо́дно. Жмётся Митька, трёт ладо́шкой ще́ку, а сам чу́вствует — замерза́ет. И не ста́ло у Митьки бо́льше сил сидеть сза́ди. Покрути́лся, покрути́лся и стал пробира́ться к сиде́нью. Долёз, смóтрит — офице́р спит.

Припо́днял тогда́ Митька край медве́жьей шку́ры — и шмыг в са́нки! И сра́зу ста́ло тепло́, хоро́шо. Сверну́лся кала́чиком и засну́л.

Просну́лся Митька оттого́, что кто́-то тормоши́л его́ за плечо́. Откры́л со́нныя глаза́. Смóтрит, над ним стои́т офице́р.

— Ты как здесь?

Митька всё и сказа́л. Засмея́лся офице́р.

— Вот я тебя́ сейча́с вла́стям сдам! — говори́т, а у само́го на лице́ улы́бка. Понра́вился, вида́ть, офице́ру Митька.

Чу́вствует Митька, что офице́р про вла́сть прóсто так, что́бы припугну́ть, говори́т.

Пове́л офице́р Митьку на ста́нцию. Накорми́л и о́пять спра́шивает:

— Так что же нам с тобо́й де́лать?

— Возьми́ с собо́й, ба́рин, — произне́с Митька.

— С собо́й! — усмехну́лся офице́р. — В Пи́тер?

— Возьми́, ба́рин! — прóсит Митька. — Да я тебе́ всё, что хошь, бу́ду де́лать. На ду́дке игра́ть бу́ду!

— На ду́дке? — переспроси́л офице́р. — Ну, ра́зве что на ду́дке, — и о́пять улы́бну́лся.

Ночь бы́ла новогóдняя. Вы́пил офице́р ча́рку, по́том вторю́ю. В глаза́х появи́лись весёлые огоньки́.

Мо́жет, е́сли бы не вы́пил офице́р в э́ту ночь лишнюю́ рю́мку, так бы и оста́лся Митька на большо́й доро́ге. Да от вина́ офице́р подобрёл. Взял гварде́йский офице́р с собо́й Митьку в Пи́тер.

И началась у Митьки новая жизнь. Живёт он в самом Питере, на Невском проспекте, у поручика лейб-гвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского. Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, а как наденет парадный мундир — глаз не оторвёшь. А главное, Митьку не обижают. И Митька в лепёшку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестяли; за табаком бегал, парик расчёсывал. Был Митька вроде как денщик.

А ещё Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерала Фёдора Петровича Разумовского и там через девушку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стройная, белоручкая, не то что деревенские девушки.

Однако больше всего Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Чёрному морю ходил, реку Рымник переплывал, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это во все не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, что это он лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Чёрному морю.

— Ну как, пойдёшь в солдаты? — спрашивает поручик.

— Пойдú, — отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставлял Митьку на дудке играть. Играет Митька — все смеются. И Митьке весело. Нравились Митьке товарищи Вяземского. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает, и каждый даёт Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей — поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом ещё прикроет.

И вот остаётся Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальёт рюмку вина, выпьет.

Эх, и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

— Гвардия есть опора царя и отечества! — кричал Вяземский. — Гвардии сам Пётр Великий положил начало.

— Опора, да не та, — отвечал Дубасов. — Гвардейские офицеры — одно только название, что гвардия. Сидите в Питере, на балы ходите. А кто за вас отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился тогда Вяземский, полёз в драку. Только Дубасов был умнее — драться не стал, а бросил к

ногáм порúчика свою перчáтку, что означáло вýзов Вяземского на дуэль¹.

Узнáл Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за тако́го дéла и стреля́ться? Máло ли на селе́ мужики спóрят. Так ёжели из-за кáждого спóра стреля́ться, скóро и живых не остáнется».

Достáл порúчик ящик с пистолéтами, почи́стил, щёлкнул Митьку по носу и уёхал.

В ётот день лёг порúчик рáньше обýчного. Лёг и срáзу засну́л.

А Митьке не спитсá. «Как ёто так? — думает. — Зáвтра стреля́ться, а он хоть бы что».

Утром, ещё не рассвелó, приёхал за порúчиком секундáнт².

Одёлсá порúчик, умýлсá, вýбежал на úлицу и сел в возóк.

— А как же я? — остановил его́ Митька.

— Что—ты?—говорит порúчик.—Сиди́ дóма, вари́ кóфе. Через час бóду. — Потóм подумал, добáвил: — А кóли бедá случитсá, поезжáй, Митька, в Рязáнскую губёрнию, разыщи́ поме́стье Васи́лия Фёдоровича Вяземского, скажи́: мол, так и так. У него́ и остáнешьсá. Пóнял?

— Пóнял, — отвётил Митька, а самому́ про ёто и думáть стра́шно.

И стал Митька ждáть порúчика. Ждёт час, вторóй, трётий. Нет порúчика. «Ну, — реши́л Митька, — убíли».

А вёчером порúчик верну́лсá. Вёсел, насвístывает что́-то. Брóсилсá Митька к нему́.

— Ну как? — спра́шивает.

¹ Дуэль — борьбá двух человек с ору́жием в руках (противников).

² С е к у н д á н т — свидётель, присутствующий при дуэли.

— Что — как?

— Ну, дуэль эта самая...

— А, дуэль! — усмехнулся поручик. — Что дуэль... Застрелил я его. Вот и всё. — И щёлкнул Митьку опять по носу. — Только утром это ещё было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? — думает. — За что человека убили?»

НА ВОЙНУ

Не сошла поручику дуэль с рук¹. Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измайл. Под Измайл и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

— Плохи наши дела, — сказал поручик Митьке. — Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне ещё интереснее.

И Митька думает: интереснее. А всё же из Питера уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

— А что со мной будет?

— Поедешь, — отвечает Вяземский, — в Рязанскую губернию.

Не ожида́л Митька тако́го. Смóтрит на поручика, чуть не плачет.

¹ Не сошла с рук — не осталась без наказания.

Походил, походил, а потом подошёл к Вяземскому, говорит:

— А возьми меня, барин, с собой!

— Как — с собой? — удивился поручик.

— На войну, — отвечает Митька.

— На войну?

— На войну.

— Так что ты там будешь делать?

— Турка бить буду, — говорит Митька.

— «Турка!» — расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию от Балтийского до самого Чёрного моря. Менялись тройки, летели вёрсты, проносились сёла и городá. Митька сидел важный: Митька на войну ёхал.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, тянулся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошёл слух: под Измаил ёдет Суворов¹. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

¹ Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — великий русский полководец.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!»! — передразнил Суворов. — «Домой!»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил идёт. Нет российскому солдату дороги отсюда иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже¹, как стадо баранов, бегать. Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться. «Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент».

Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова.

А как-то Суворов приметил Митьку и спрашивает:

— Что за солдат?

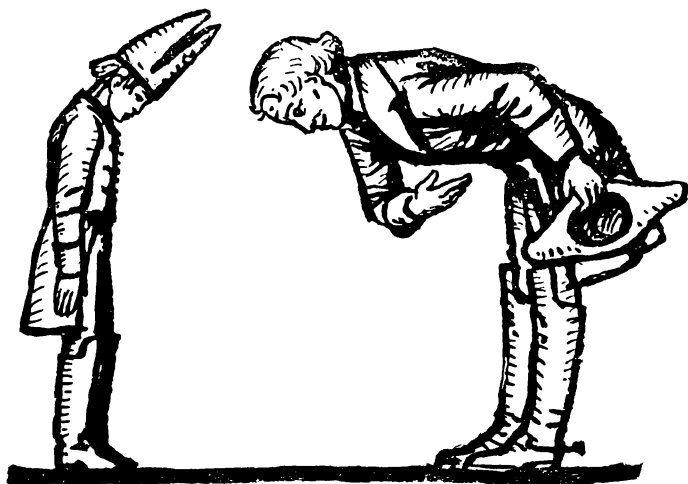
— Солдат гренадёрского Фанагорийского полка! — отчеканил² Митька.

— Ай-яй! — удивился Суворов. — Солдат, говоришь?

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

¹ Негоже — не годится.

² Отчеканил (отчеканить) — здесь: произнёс ясно и раздельно.

Посмотрёл Суворов на Митьку, подивился, говорит:

— Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почёт. — Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить.

Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, всё выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

В ночь на 11 декабря 1790 года русские пошли на приступ.

Отдёрнул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из неё крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал гроыханье пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет и Митька смог разглядеть, то русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробьи на изгороди, сидели турки. А вокруг крепости — и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз, — видел Митька, как двигалось, как колыхалось и плескалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе и не солдаты и Измайл не крепость, а гудит перед ним, перекачивается и влет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлёк русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька — и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка.

— Ура! — закричал Митька. — Ура!

А поручик уже на стене. Ещё никого нет, а Вяземский там. Стоит, машет шпагой. Сбило с поручика шляпу. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивает-

ся поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прягают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

— Барин, барин! — кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

— Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил Митьку за ногу.

— Пусти, дяденька! — Митька выдернул ногу и кошкой полёз вверх.

Влез, глянул вниз — и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так, лежали побитые солдаты: русские, турки — все вместе. А совсем рядом в узких, запутанных улицах Измаила идёт бой и несутся крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадётся Митька у самой стены, смотрит, не видеть ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

— Барин, барин! — закричал Митька. — Вставай!

А Вяземский лежит, не шелохнётся. Приложил Митька ухо к груди поручика — дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять своё.

— Вставай, барин, вставай! — трясёт Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живёт.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжёло мальчишке —

в поручике пудов до пяти, — но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

— Ты как здесь? — удивился Суворов.

— Да я... — начал было Митька и заплакал. Стоит, вытирает слёзы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

— Поручик Вяземский? — спрашивает.

Митька кивает головой.

— Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя.

А Митьку подзвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

— Бегй вон, и чтобы духу твоего тут не было.

МЕДАЛЬ

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришёл в себя, признал Митьку.

А ещё через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова — спрятался.

Поручик было привстал.

— Не смей! Лежать! — крикнул Суворов. Подошёл к постели Вяземского. — Герой! — сказал. — Герой! Достоин высочайшей награды. — И спрашивает: — А где твой денщик?

— Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, — отвечает Вяземский.

— Давно?

— Давно.

— Так, — говорит Суворов. — Дельно, хорошо,

когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралей у нас — о-о — сколько развелось!

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил поручик и думает: «Ну, пронесло!»¹

А Суворов вдруг как закричит:

— Солдат гренадёрского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька. Не знает, что и делать. А Суворов снова подаёт команду.

Выбежал тогда Митька:

— Слушаю, ваше сиятельство! — и отдаёт честь.

Улыбнулся Суворов.

— Дельно, — говорит. — Молодец. Дельно! — Потом скомандовал «смирно» и произнёс: — За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалею тебя, солдат гренадёрского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошёл Суворов к Митьке и приколот медаль.

Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

— Говори: «Служу императрице и отечеству».

— Служу императрице и отечеству! — повторяет Митька.

— Дельно, — говорит Суворов, — дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сказал:

— Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведёшь, поручик: приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза:

¹ П р о н е с л о (пронести) — прошлая беда, опасность.

— Ника́к нет, ва́ше сия́тельство!

— Что — ника́к?

— А как же я мог прика́з вы́полнить, — говори́т Вя́земский, — ко́ль доро́ги наза́д не́ было?

— Ай-яй! Не́ было? — переспроси́л Суво́ров. — Мо́жет, и вра́лей не́ было?

— Доро́га солда́ту домо́й, — отве́тил Вя́земский, — че́рез Измаи́л веде́т. Нет доро́ги росси́йскому солда́ту домо́й ина́че!

Посмотре́л Суво́ров на пору́чика, кря́кнул, ниче́го не отве́тил. А че́рез не́сколько дней прише́л прика́з прости́ть Вя́земскому дуэ́ль с Дуба́совым и отпра́вить наза́д, в Пи́тер. Вида́ть, понра́вился отве́т пору́чика Суво́рову.

Прости́лись пору́чик и Ми́тька с а́рмией. И е́хали о́ни о́пять че́рез всю Росси́ю от са́мого Че́рного до

Балтійского моря. И снова менялись трóйки, снова летели вёрсты, снова проносились сёла и городá. Митька сидел гордый и медаль шүпал. Солдát с войны ёхал.

ПРОЩАЙ, ВЯЗЕМСКИЙ!

— Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! — говорил Вяземский.

Появился вскоре у поручика нóвый товарищ — капитán Пйкин. Взглянул Митька на капитана: глаза навýкате, нос клювом, гýбы поджáты, на всех смóтрит кóсо и дáже ходит не как все, а как-то бóком, правое плечó вперед.

Соберутся, как бывáло, у поручика приятели. Все смеются, кричáт. А капитán сядет в сторонé, молчйт, не улыбнётся. Начнут офицеры про полíтику спóрить, про делá госудáрства говорйт, заведут речь о мужикáх: мол, неспростá мужики волнүются, так и жди нóвого бунта. А капитán спóрящих прервёт, скáжет: «Мáло с них шкүру дерут! Мáло помéщики порют — вот и распустились мужики! Вон Митька твой — и не поймёшь, где холóп¹, где бáрин».

Заговорят офицеры про войнү, про Измайл, Суворова вспómнят. А капитán и здесь своё слóво встáвит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорóчке родился. Вот и везёт».

«И чегó это терпит его поручик?» — думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пйкин играть в карты. Уж никто и не хочет, а капитán играет. На картах они и сдружались.

Как и раньше, собираются у поручика молодые

¹ Холóп — крепостной человек, слуга.

офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдёт.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

— Играй, — говорит, — ещё.

— Как же с тобой играть, — отвечает капитан, — ты уже всё проиграл!

А поручик:

— Нет, играй. В долг, — говорит, — играть буду.

— Нет, — возражает Пикин, — в долг не играю.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошёл к поручику, говорит:

— Барин, спать порá.

А поручик оттолкнул Митьку и опять к капитану:

— Ставлю мундир!

Ну, и снова проиграл Вяземский. Волнуется, горячится поручик. Смотрит по сторонам, на что бы ещё сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

— Барин, спать порá.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонёк, и вдруг говорит капитану:

— Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнём обожгло.

А капитан снова сдаёт карты и приговаривает:

— Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнаёт, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

— Митька! — закричал Пикин. — Собирай свой

вѣщи, да медаль смотри не забудь! Будешь у меня при
медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно.

Вбежал Вяземский:

— Митька!

Никто не отзывается.

— М-и-тька! — снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушел Митька.

Смотрит Вяземский — только дверь на улицу приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

ДОБРЫЙ БАРИН

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Трѣтій день кривой Савва жил в Пѣтере. Привѣз Савва из Закопáнок солёные огурцы, продавал вѣдрами.

— Огурцы солёные! Солёные-мочёные! Кому солёные? — кричал Савва.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того целые горы.

На четвёртый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок — отмерял огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от неё отламывал и ел. Вдруг видит — чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил Савва руку. Обернулся — мальчишка. Посмотрел — Митька.

Признал и Митька кривого Савву — обрадовался.

— Жив! Жив! — вскричал Савва. — Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Ещё в тот год узнали, что ты от господ убежал. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замёрзшего мальчишку. Так мы думали... Нет, жив-таки!

И рассказав Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопáнку.

— Жизнь-то в Закопáнках совсем расстроилась, — говорил Савва. — Распрóдали господá мужиков. Стáросту Степáна Грыжу — так и того прóдали. А родителей твоих, — говорил Савва, — сосед, князь и енерáл Юсúповский, купили. Помещик-то у

них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось — девушка Маланья да я. Кривой — никто не берёт. Эхма, было времечко! — закончил свой рассказ Савва. — Другие нонче пошли временá.

— А вы тут чего, дядя Савва? — спросил Митька.

— Как — чего? Я теперь часто в Питер езжу. Барыня посылают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дорожке выходит... Да ты о себе расскажи, о себе!

Митька рассказal.

— Ну и дела! — проговорил Савва. Потом подумал, сказал: — Митька, завезу-ка я тебя до родителей. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князёк ваш тебя и выкупит. Вот и заживёте все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце. И Митьке было легко и радостно.

— Дядя Савва, — спрашивал Митька, — а кот Васька жив?

— Жив, жив, — отвечал Савва. — Чего ему не жить!

— Дядя Савва, а барин, говоришь, он добрый, выкупит?

— Выкупит, — отвечал Савва.

Как и обещал, привёз Савва Митьку домой.

— Аксинья! — позвал. — Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

— Ох ты мой родненький! Похудал... Ох ты мой ненаглядный.

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу...

— Что стоишь? — крикнула Аксинья. — Чай, сын прибыл... Митенька! — и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошёл, выгнув спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

— Признал, признал! — воскликнул Савва. — Ить ты, паршивец, признал!

А Митька стоял, вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться.

Митька был счастлив.

БЛАЖЕННЫЙ¹

Князь Гаврила Захаревич Юсуповский был генералом русской армии. В одном из сражений генерал получил тяжёлое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своём новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привёл в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых. Привёз садовника из Питера и повара. И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на пасху и рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

¹ Блаженный — здесь: глуповатый, чудак.

Только стали мужики вскоре замечать за барином какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То возьмёт в рот кинжал, бегает по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачёв я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А ещё, когда грянет гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идёт!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

— Не откажи, барин! — просит. — Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку.

— Вот оно как! — удивился генерал. — На войне, говоришь, был?

— Был, был! Медаль с той войны привёз, — быстро проговорил Кузьма.

— Ме-даль? — протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

— Падай, падай барину в ножки! — подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошёл к генералу и докладывает:

— Солдат гренадёрского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин прибыл!

Кузьма побледнел: «Ну, всё испортил», — решил он. Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошёл вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвётся!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и отступать к выходу.

— Что с ним, тять? — спросил потом Митька.

— Блаженный, — ответил Кузьма.

И вот снова живёт Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером соберутся все вместе. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом. И всем хорошо. И мирно трещит лучина, и от каждого вдоха, словно живое, колыхается яркое пламя.

КАРТЫ

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе бабин.

— Давай, — говорит, — играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

— Это, — говорит, — двойка, это тройка, это семёрка. Так что старше, — спрашивает: — двойка или семёрка?

— Семёрка, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

— Это, — говорит, — валёт, это дама, это король. Кто старше?

— Король, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Ну, дело у тебя пойдёт.

Потом объяснил генерал про масть. Трефь и пика — чёрные, бубен и червь — красные.

— Трефь и пика — чёрные, — повторяет Митька, — бубен и червь — красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы играть было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Внача́ле Ми́тька то́лько прои́грывал. Наби́л ему́ за э́ти дни ба́рин нос так, что нос стал у Ми́тьки в́роде кра́сной свёклы. И так пристрасти́лся генера́л биты́ ка́ртами, что игре́ ещё и ко́нec не прише́л, а он уже́ пригото́вится и приговора́ивает:

— Вот я тебя́ сейча́с! Бۇдешь знать, шельме́ц, как со мной в ка́рты игра́ть!

А когда́ лупи́л, то́же приговора́ивал: «Так тебе́ и на́до, так тебе́ и на́до! Не берись игра́ть, коль не уме́ешь».

Но вот наступи́л день, когда́ Ми́тька в́играл.

— Как э́то так? — проговори́л генера́л. — Ты, шельме́ц, небо́сь ка́рты подмеша́л?

А Ми́тька ниче́го и не подмешивал. Так оно́ само́ в́ышло. И пришло́сь генера́лу подставля́ть свой нос. Ми́тька бил осторо́жно.

Опять сыгра́ли. Ба́рин проигра́л сно́ва. И сно́ва Ми́тька бьёт по генера́льскому но́су. То́лько тепе́рь Ми́тька осмеле́л и бьёт поси́льнее.

И тре́тью па́ртию проигра́л ба́рин. На э́тот раз Ми́тька уда́рил во всю си́лу.

На́чал ба́рин зли́ться. А чем бо́льше он зли́тся, тем и игра́ет невнима́тельнее. И стал у генера́ла нос

краснеть. Видит барин — дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту — раз, два! «Ты, — говорит, — шельмец, плутуешь».

И только Митька выигрывает, барин за палку и бьёт. Вернулся Митька домой — весь зад в синяках. Лёг спать, думает: «Проиграл — плохо, выиграл — плохо! Пойми ты её, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Всё же по носу, решил, не так больно.

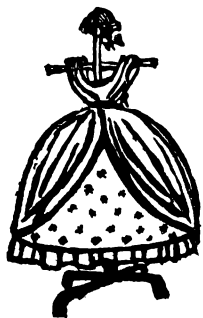
А генералу, видеть, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть. Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддаётся, и генерал поддаётся. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И всё Митька проигрывает. Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскучило.

Пытается барин проиграть, а всё не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

— Пошёл вон! Не умеешь играть, а тоже лезешь! С той поры они уже в карты не играли.

«ИМПЕРАТРИЦА»

Прожил Митька ещё неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

— Будьешь, — говорит генерал, — за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А ба́рину пришлá в го́лову вѣдумка, что должнá к нему́ приѣхать ца́рица в го́сти. В э́то вре́мя как раз через Но́вгород из Петербу́рга в Москву́ ца́рица е́хала. Все вокру́г то́лько об э́том и говори́ли. Вот и реши́л генера́л всех удиви́ть. Сши́ли Ми́тке же́нский наря́д. А на сле́дующий день проше́л по селу́ слух, что в го́сти к генера́лу е́дет сама́ импера́трица Ека́терина Вели́кая. Собра́ли к господа́скому до́му мужико́в и ба́б. Разложи́ли на крыльце́ кове́р. Ждут. И вот каре́та въѣхала. Сам ба́рин вѣбежал «импера́трицу» встреча́ть. Мужики́ и ба́бы упáли на колѣни. Никто́ и не обрати́л внима́ния, что каре́та господа́ская, а на ме́сте ку́чера свой же мужи́к, дядя́ Игна́т, сидѣл.

Откры́л генера́л двере́цу каре́ты, поклони́лся, а из каре́ты выходи́т Ми́тка.

Ахнули мужики́, — ну и блажь... А ба́рин взял «импера́трицу» по́д руки и повѣл в дом. Ми́тка и́дет, пу́таются но́ги в ю́бке. Привѣл ба́рин Ми́тку в зал, а там стол накрѣт. Усади́л генера́л Ми́тку.

— Ва́ше вели́чество, — говори́т, — не откажи́те приня́ть на́шу убо́гую тра́пезу¹.

¹ Убо́гую тра́пезу — бе́дную пи́щу, угоще́ние.

Ест Митька; барин ему вина наливает.

А после еды генерал говорит:

— Ваше величество, извольте в ваши апартаменты¹ проследовать.

И повел барин Митьку по комнатам в спальню. Идет Митька, пошатывается. Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

— Приятной ночи, ваше величество! — сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в царичином наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день — самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку:

— Ты что тут, поганец, делаешь?

— Императрица я, — говорит Митька.

— Что? — заревел генерал. — «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрица»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла — и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьет и приговаривает:

— Вот я тебе покажу «императрица»! Мужик, а бабкой прикидываешься! Имя царское позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвел генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал его позовет. Однако за Митькой никто не прибежал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

¹ Апартаменты — большие красивые комнаты.

«АТЬ, ДВА, ЛЕВОЙ, ПРАВОЙ!»

В трéтий раз генерáл вспóмнил про Митьку к концú лéта.

— Ты на войнé был? — спросил бáрин.

— Был, — отвéтил Митька.

— Медáль получил?

— Получил.

— Так приходи́ зáвтра, да по всей фóрме! Посмóтрим, какóй из тебя́ солдáт.

Пришёл Митька, и начались с éтого дня учéния. Является Митька с сáмого утра́. Генерáл ужé одёт — в мундире, при погóнах и шпáге. Ждёт. Выхóдят генерáл и Митька во двор, начинаются учéния.

— Смирно! — кричит генерáл.

Митька вьтянется, замрёт, рúки по швам.

— Так, — говорит генерáл, — вёрно.

Потóм подаёт командóу: «Напрáво, шагóм марш!» Дойдёт Митька до концá двора́ — генерáл кричит: «Кругóм!» Поворáчивается Митька. И так до сáмого обéда хóдит Митька пó двору от одногó угла́ до друго́го. А генерáл идёт рядом: «Вы́ше нóгу, шире шаг! Ать, два, лéвой, правóй! Ать, два, ать, два!»

А пóсле обéда другие учéния.

— Ложись! — кричит генерáл.

Митька ложится.

— Встать!

Митька встаёт.

— На пúзе ползи́!

Митька ползёт.

И так до сáмого вéчера.

Намúчается Митька за цéлый день — сил нет. А с утра́ всё снóва. Через неделю́ Митька все командóвы выучил. Тогда́ генерáл приказáл собрáть деревénских

ребят. И теперь они с Митькой оба стали вести учения. Поначалу ребятам нравилось. С самого утра Митька их строил. Потом выходил генерал. Митька кричал «смирно» и докладывал:

— Ваша светлость, рота к учению построена.

— Вольно! — говорил генерал.

И начинались занятия. Да только вскоре ребятам всё надоело, не все стали являться.

Заметил генерал — перекличку приказал делать. А неисправных сажал в курятник. Да только ребятам здесь нравилось больше, чем животами тереть господский двор. Тут и отсиживались. Тогда стал генерал наказывать непослушных розгами.

А вскоре и ребят показало генералу мало. Приказал он, чтобы собирались взрослые мужики. И вот с самого утра толпится на барском дворе человек до тридцати мужиков. Строит их барин по росту, и начинаются учения.

Дело как раз летом было. На поле стоят неубранные хлеба, зерно осыпается. А мужики от одного конца до другого господский двор меляют. Научились мужики ходить, как настоящие солдаты, да только богаче от этого не стали.

Мужики — на Митьку: «Всё из-за тебя, из-за твоей медали!» Обозлились мужики на Митьку.

А тут генерал стал поговаривать, что пора и в лагерь ехать и там учинить настоя-

щие манёвры. Разбить мужиков на две группы и устроить войну.

Видит Митька — дело плохо, не простят мужики ему этой затеи, и сказал как-то барину:

— Ваша светлость, а как же без пúшек быть?

Посмотрел генерал на Митьку, сказал:

— Правильно. Отпишú-ка я письмó самому любимцу императрицы, светлейшему князю Потёмкину. Он меня помнит — пришлёт.

Написал, а ответ никак не приходит. Пока его ждали, генерал и забыл про военные учения. И опять стало спокойно.

КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО

Прошёл год. Мало что изменилось за это время в жизни Митьки Мышкина, повзрослел разве что на год. Зато прежние его господа, помещики Воротынские, совсем разорились. Усадьбу продали, сами в Москву уехали. А кривого Савву и Маланью отдали за долги князю Юсуповскому. Стал теперь Савва от князя в Питер и Чудово на базар ездить.

И вот как-то захватил Савва в Чудово с собой Митьку. И здесь, в скотном ряду, повстречали они тётку Агафью.

— Митька! — закричала она. — Соколик ты мой, Митька! Да никак ты? — Она обхватила мальчика и крепко прижала к себе. — А мы-то...

— Знаю, тётка Агафья, — говорит Митька, — помершим считали.

— Считали, считали, соколик!

Тётка Агафья водила Митьку по базару, купила ему пряник, вздыхала и всё слезу рукавом смыхивала.

— Да че́го ты, тётка Ага́фья! — успокаивал её Митька.

— Ох, как вспомню, как вспомню!.. Так ты ничего, при родителях, значит?

— Да, тётка Ага́фья.

— Да́шу-то помнишь?

— Помню.

— А Фёдора?

— Помню, тётка Ага́фья.

— Так засудили Фёдора — ушёл Фёдор на ка́торгу.

— Как — засудили? — вёрвалось у Митьки.

— Ой, не говори, соко́лик! Нёмца-то порешил немой, а дом поджёт. Сам признался. А де́вка Пала́шка — типун ей на язык — потом всё на тебя наговаривала.

— Тётка Ага́фья, — вдруг сказа́л Митька, — не дядя Фёдор, я нёмца поджёт.

— Да что ты! Да бог с тобо́й, соко́лик! — замахала рука́ми тётка Ага́фья.

— Я... я, — повторил Митька.

Ни единого слова не проговорил больше Митька. За эти годы Митька почти что и забыл про гра́фский дом. Прошло, как сон. И было ли это? Мо́жет, и не́ было.

Дотемна́ просидел в этот день Митька над обрывом реки. Уста́вился на воду, смотре́л в одну́ то́чку. Смотрел — и вставала перед ним та дале́кая но-

вогодняя ночь: дым, люди, языки пламени и немец. Бѣгает немец из угла в угол, бьѣтся в закрытую дверь. А на крылѣчке стои́т Фѣдор, большо́й, широкоплѣчий, с дуби́ной в руке́.

А пото́м Ми́тька уви́дел друго́ю избу́, ту, где актѣры жи́ли. КрОВАТЬ. Свечу́, что горѣла ро́вным пла́менем. Да́шу. Смо́трит Ми́тька на́ воду, а Да́ша, сло́вно жива́я, перед ним стои́т. Стои́т и улыба́ется, как тогд́а, когд́а они́ в пе́рвый день сви́делись.

Ско́лько сидѣл Ми́тька над реко́й, он не знал. То́лько уж ста́ло смерка́ться, когд́а проходи́л бе́регом реки́ Ми́тькин о́тец. Уви́дел сы́на, позва́л. А тот не откли́кается. Подоше́л Кузьма́ к нему́, положи́л ру́ку на плечо́.

— Ми́тя! — позва́л сно́ва.

А Ми́тька ничегó не слы́шит.

СЧАСТЛИВОГО ТЕБЕ ПУТИ, МИТЬКА!

Пообещáл ба́рин откупить Ми́тьку, да позабы́л. Вспо́мнил уже́ через год, ле́том. Посла́л генерáл к гра́фу Гу́щину своегó управляющегó, а когд́а тот верну́лся, вы́звал Ми́тьку.

Шѣл Ми́тька к госпóдскому до́му, а у самогó тяжестъ какáя-то на душѣ. И нѣбо бы́ло се́рое, и полыхáли гдѣ-то зарни́цы, и петухи́ голоси́ли. А у са́мого подъѣзда уви́дел Ми́тька теле́жку — то́чь-в-то́чь как у нѣмца Нѣймана была́.

«Откúда такáя?» — подумáл.

— Э, — произне́с генерáл, когд́а воше́л Ми́тька, — да ты, говорáют, разбóйник!

Ми́тька растеря́лся.

— Говорят, в трафском имении дом сжёг и ихнего управляющего, немца, погубил. Было такое дело? — спрашивает генерал.

— Было, — отвечает Митька.

Генерал поднял брови, с удивлением посмотрел на Митьку, как будто бы впервые видит.

— Э, да ты на самом деле разбойник! Иди сюда. — И повёл Митьку в соседнюю комнату.

Вошёл Митька — и замер. Смотрит — стоит в комнате солдат, а рядом с ним девка Палашка.

— Он, он! — закричала Палашка. — Ирод, убивец! — бросилась она к Митьке.

Митька — в сторону. А барин его раз — и за руку: «Стой!» Рванулся Митька, а генерал опять: «Стой!» Схватил тогда Митька стул, поднял над головой, закричал:

— Уйди, барин! Уйди — не пожалёу!

— Ах, злодей! — взвизгнул генерал, но остановился. А потом как закричит: — Хватай его, вяжи!

Бросились к Митьке солдат и Палашка, а он к окну, только — бемц! — звякнули стёкла. Распахнулись от удара створки. Выпрыгнул Митька на улицу, прямо во двор, как раз к тому месту, где стояла тележка. И в это время грянул гром, прошумел грозным раскатом. Вздёргнули кони, забили копытами. Митька — в тележку, схватил кнут и полоснул лошадей во всю силу. Те взвились и понеслись к выходу. А ворота закрыты. И вдруг одна половина открылась. Вторую то уже кони с размаху откинули сами. Пролетая, увидел Митька кривого Савву.

Выбежали генерал, Палашка и солдат на дорогу, а Митька уже далеко. Только шарохаются из-под колёс замешкавшиеся куры да остался у самой дороги раздавленный гусь.

Промчались кони через село, перемахнули вброд

рѣчку, вынесли на бугор и, поднимая пыль, понеслись полем.

— Убежал! — кричала Палашка. — Ирод, опять убежал!

И опять грянул гром. Блеснула молния. Генерал вдруг побледнел, схватил солдата за руку, зашептал:

— Турка, снова турка войной идёт... — Потом как закричит: — Смирно! Из всех орудий пли!

Солдат растерялся. Схватил ружье, стрельнул. А девушка Палашка вдруг умолкла, разинула рот и не знала, куда смотреть: то ли на барина, то ли туда, где на поле, на самом бугре, всё ещё держалась пыль, и кони — эхма, господские кони! — уносили злодея и ирода Митьку Мышкина.

Прощай, Митька! Счастливого тебе пути и большой удачи!

К ЧИТАТЕЛЯМ

Вот и кончилась история Мити Мышкина. Впрочем, нет. Кончилась только книга. Митя остался жить, наверное в его судьбе произошли ещё какие-то большие события.

Напишите нам, заинтересовала ли вас судьба крепостного мальчика и хотите ли вы узнать, что с ним произошло дальше.

Недавно у нас в издательстве был автор. Он поделился с нами планом своей новой книги, дальнейшей историей Мити.

Каков этот план? Этого мы вам не скажем. Напишите нам, как бы вы сами продолжили историю крепостного мальчика. Ваши письма помогут писателю. А вам мы сообщим, кто из ребят прислал самые интересные ответы и кто оказался самым активным помощником в создании новой книги.

Письма присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

Родное село	3	Гуси	11
Продали	4	Валенки	14
Как жили	8		
Розги	10	Дорога	15

Глава вторая

ДАША

Граф Гушин	18	А он вовсе не страшный	32
Дудка	20	Как скрипел снег	34
Немой	22	Генеральная репетиция	35
Артисты приехали	24	Даша заболела	39
Ушёл	27	Страшное	40
Погоня	28	Пожар	42
Вот ты где!	30		

Глава третья

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК

Беглый	44	Измайл	51
В Питере	47	«Вставай, барин!»	54
Человека убили	48	Медаль	56
На войну	50	Прощай, Вяземский!	59

Глава четвёртая

ДОБРЫЙ БАРИН

Неожиданная встреча	62	«Ать, два, левой, правой!»	71
Блаженный	64	Кончилось детство	73
Карты	66	Счастливого тебе пути, Митька!	75
«Императрица»	68		

Для начальной школы

Алексеев Сергей Петрович

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

Ответственный редактор *Г. Ф. Ермоленко*. Художественный редактор *Е. М. Гуркова*.
Технический редактор *И. Г. Найденова*. Корректора *Э. Л. Лофенфельд* и *М. Б. Шварц*.
Сдано в набор 6/II 1962 г. Подписано к печати 26/III 1962 г. Формат 60 × 84^{1/16} —
5 печ. л. 4,65 усл. печ. л. (3,3 уч.-изд л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1962 № 745. Цена 22 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 2253.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В серии «Школьная библиотека для нерусских школ» в 1962-году
выходят следующие книги для учащихся начальной школы:

Воронкова Л. — Командир звёздочки

*Повесть о маленькой Тане, избранной командиром октябрятской звёздочки,
о заботах и трудностях, которые Тане приходилось преодолевать,
о разных характерах ребят в её отряде*

Сань Шан-фей — Десять маленьких друзей

*Книга рассчитана на начинающего читателя. Под иллюстрациями — текст
в одну-две строки, в целом составляющий рассказ о китайском малыше
Сяо-лине, который впервые узнал, что могут сделать руки*

Сборник — Наше имя — октябрята

*Рассказы, стихи, песенки, игры, скороговорки собраны в этой книге
для ребят.*

Обращайтесь за этими книгами в свои районные
и школьные библиотеки.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом
«Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Можно заказать книги и через отдел «Книга—почтой» по адресу:

Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б. Магазин Москниги № 94.

Цена 22 коп.